

В кругу вопросов, объединяемых емкой рубрикой «Пушкин и западные литературы», проблема рецепции творчества Мильтона величайшим русским поэтом принадлежит к числу, казалось бы, вполне очевидных. Между тем в ее освещении есть еще немало белых пятен, а разработка отдельных частных вопросов до сих пор еще не сложилась в общую картину.

Своеобразие этой проблемы в значительной мере определяется тем обстоятельством, что Милтон питал специальный интерес к России. Еще в 1650-х гг. он написал «Краткую историю Московии и других малоизвестных стран, лежащих на Восток от России до самого Китая»,¹ опубликованную уже после смерти поэта — в 1682 г. Отзвуки его интереса к России слышны и в поэме «Потерянный рай».

Знакомство с творчеством Мильтона в России возникает в середине XVIII в. Первый перевод поэмы «Потерянный рай» был выполнен бароном А. Г. Строгановым. Это был любительский перевод, который так и остался рукописным.² В 1780 г. в типографии Н. И. Новикова был напечатан прозаический перевод «Потерянного рая», выполненный с французского посредника архиепископом Амвросием (Серебрянниковым). За три года до того переводчик «Энеиды» В. П. Петров — «второй Ломоносов», по выражению Екатерины II, — переложил прозой (но непосредственно с английского!) три первые книги «Потерянного рая». Наконец, на пороге нового века, в 1805 г., появился перевод фрагмента из третьей книги поэмы, выполненный Н. И. Гнедичем с французского перевода Делиля. К началу века относится и зарождение интереса к Мильтону в русской критике и академическом литературоведении.

Итак, в русской литературе рубежа XVIII—XIX вв. и начала XIX в. у Пушкина было довольно много предшественников среди писателей, критиков, переводчиков и историков литературы, всерьез интересовавшихся Мильтоном. Назовем только некоторые имена: А. А. Писарев, А. Ф. Мерзляков, акад. И. И. Давыдов, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, В. К. Кюхельбекер. Даже этот неполный ряд достаточно представительен.

В единственной работе, посвященной интересующему нас вопросу, — статье «Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина» — Р. М. Самарин своеобразно «вписывает» пушкинские оценки в историю восприятия Мильтона в России. Не очень лестно отзывавшись о толковании Мильтона русским академическим литературоведением (в лице А. Ф. Мерзлякова и И. И. Давыдова), исследователь пишет: «Но была другая русская традиция восприятия Мильтона, умевшая в авторе „Потерянного рая“ найти те черты „политического писателя“, которые так понравились в Мильтоне Пушкину.

¹ Подробнее об этом см.: Сенци М. Милтон о России // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 284—292; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII в.—первая половина XIX в.) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 40—44, 97—98.

² См.: Одаховская И. Примечания // Милтон Дж. Потерянный рай; Самсон-борец; Стихотворения. М., 1976. С. 510.

Эта традиция от Радищева шла к декабристам, среди которых Кюхельбекер был глубоким знатоком и ценителем Мильтона...».³

Несомненно, русская дворянская культура конца XVIII—начала XIX в. отнюдь не была монолитна, и в толковании явлений литературы прошлого русская критика обнаруживала разные, подчас полярные тенденции. Тем не менее попытка резко разграничить «две традиции» в восприятии творчества Мильтона русской литературной мыслью выглядит, на наш взгляд, некоторым упрощением.

В несостоятельности и априорности такого разграничения убеждаешься при внимательном изучении «допушкинских» суждений о Мильтоне. Радищев, к примеру, восхищался его изобразительной мощью,⁴ а Карамзин отдавал предпочтение «глубокомысленным сочинениям» Мильтона перед «бессмысленными» писаниями «коварного фанатика» Кромвеля.⁵ Действительно, не всех критиков и литераторов в равной степени привлекал политический радикализм английского поэта и памфлетиста, однако же непроницаемой стены между разными тенденциями в его творчестве нет. Так, у А. Ф. Мерзлякова встречаем мы восхищение богоборческим пафосом «Потерянного рая» и энтузиазмом Мильтона-художника и, напротив, у Кюхельбекера находим «нейтральные», казалось бы, суждения о «гармонии стиха» Мильтона, о точности его описаний и т. п.⁶

Попытки оторвать Пушкина от традиции академического литературоведения — это по сути и попытки вывести его за рамки карамзинской традиции в восприятии творчества и личности Мильтона. Разумеется, ни Кюхельбекер, ни Пушкин не повторяли карамзинских оценок, но значение Карамзина для восприятия истории и исторических личностей каждым из них трудно переоценить.

По-видимому, сколь бы ни отличались друг от друга высказывания разных русских литераторов о Мильтоне, будет правомернее заключить, что со второй половины XVIII в. в России существовала одна, довольно широкая традиция восприятия личности и творчества великого английского поэта; притом каждой последующей стадии в освоении его наследия были свойственны больший охват материала и большая точность в сравнении со стадией предыдущей. Пушкин — критик Мильтона несомненно наследовал и академическому литературоведению рубежа веков, и Карамзину, и литературной критике начала XIX в.

Впервые Пушкин упомянул имя Мильтона еще в лицейские годы в отрывке из оставшейся неоконченной поэмы «Бова» (1814). Начиная с 1825 г. поэт в своих статьях, заметках и письмах все чаще обращается к личности и наследию создателя «Потерянного рая» и «Самсона-борца». Венчает его рассуждения о Мильтоне статья «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (1836), опубликованная посмертно в пятом томе «Современника» за 1837 г. В библиотеке Пушкина сочине-

³ Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина // Доклады и сообщения филол. фак-та Моск. ун-та. 1948. Вып. 6. С. 69.

⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 115.

⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 348.

⁶ См.: Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 158—161; Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 306, 480.

ния английского поэта (в оригинале и во французских переводах) были представлены разными изданиями.⁷ Разрезанные страницы и пометы говорят о том, что русский поэт читал в оригинале не только «Потерянный рай», но и поэму «Возвращенный рай», оды, сонеты, псалмы и другие поэтические сочинения Мильтона, включая его переводы с греческого, латинского и итальянского языков.

Мильтон упоминается Пушкиным в разном контексте, но чаще всего в одном ряду с именами Гомера, Вергилия, Данте, Ариосто, Шекспира, Гете, Байрона. Не будет преувеличением сказать, что Мильтон находится в числе кумиров Пушкина, его наивысших литературных авторитетов. Факт этот в какой-то степени объясняется и тем обстоятельством, что Мильтон привлекает русского поэта смолоду и как творец и как личность.

В восприятии уникальной личности великого английского поэта Пушкин идет, в основном, в русле традиций, проложенном Карамзиным и Радищевым. Вот некоторые из его суждений, укладываемые в значащий и выразительный ряд.

В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) есть такие слова: «Но Мильтон и Данте писали не для *благодарной улыбки прекрасного пола...*» (XI, 33). Здесь звучит не только преклонение перед духовной независимостью гениальных людей, но и презрение к современникам, заискивающим перед светской публикой.⁸

В «Заметках и афоризмах разных годов» Пушкин восхищается «гордым желанием» Мильтона, который «говаривал»: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня» (XII, 178). А во второй черновой редакции статьи «О ничтожестве литературы русской» читаем: «Ни один из *французских* поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы...» (XI, 503).

Более развернуто рассуждает русский поэт о личности великого англичанина в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“». В этом сочинении помимо разбора перевода, выполненного Шатобрианом,⁹ содержится резкая полемика по поводу изображения личности Мильтона в драме В. Гюго «Кромвель» и в романе А. де Виньи «Сен-Мар». Первый из них (в отличие от Мильтона «второстепенный» поэт, по мысли Пушкина) изобразил создателя «Потерянного рая» в кругу придворных Кромвеля «жалким безумцем», «ничтожным пустомелей» (выражения Пушкина), человеком, которого легко унижить и осмеять. Еще резче осуждает автор статьи другого французского романтика — «чопорного, манерного графа Виньи», выведшего в одной из глав романа «Сен-Мар» фигуру Мильтона, ставшего посмешищем французского салона, в коем лишь Декарт, Корнель и Мольер могли по достоинству оценить стихи английского гостя.

⁷ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 290.

⁸ Точный комментарий к этому высказыванию см.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 64—67.

⁹ О проблеме «Пушкин и Шатобриан» в связи с рассматриваемой статьей см.: Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 231—240.

Решительно отвергая «удивительные вымыслы» Гюго и Виньи, Пушкин предлагает читателю — как положительную антитезу — ознакомиться с картиной «встречи одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля» в романе Вальтера Скотта «Вудсток». Как заметил в свое время Д. П. Якубович, «Пушкин ошибочно указал Мильтона как лицо, встречающееся в „Вудстоке“ с Кромвелем (в действительности Мильтон там только упоминается)»,¹⁰ но ошибка эта не вносит переакцентировки в ведущийся спор. Пушкин отдает предпочтение иной, скоттовской, поэтике: у Гюго и Виньи ему явно недостает историзма.

Очень точно Пушкин указывает на слабость в повествовании Виньи: Мильтон зачем-то декламирует стихи из «Потерянного рая», хотя гостям в салоне Марион Делорм уже розданы листочки с французским переводом этих мест. К пушкинскому упреку можно добавить другой, не менее серьезный. Мильтон у Виньи читает в парижском салоне отрывки из «Потерянного рая» по крайней мере за полтора десятилетия до того, как он в действительности приступил к работе над этим произведением. Таким образом, в «Сен-Маре», автор которого шел по пути, проложенному Вальтером Скоттом, Пушкину явно не хватало скоттовской точности в соотношенности судьбы вымышленной с исторической реальностью.

Основным источником представлений о Мильтоне-человеке оказываются для Пушкина произведения английского поэта. Споря с трактовкой выдающейся личности в драме Гюго, автор статьи восклицает: «...не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец Иконокласта и книги: *Defensio populi!* Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный пророческий сонет: *Cromwell, our chief (of men)!* Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и других придворных шутов тот, кто в *злые дни* (имеется в виду период Реставрации. — М. С.), *жертва злых языков*, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный Рай» (XII, 140—141).

Мильтон для Пушкина — редкая по целостности, бескомпромиссная натура (недаром его имя часто вспоминается в одном ряду с именем Данте), а потому личность борца и личность творца воспринимаются Пушкиным в неразрывном единстве. Приведенная выше цитата интересна еще и тем, что дает представление о довольно широком знакомстве русского поэта с творчеством Мильтона. Помимо «Потерянного рая» здесь упомянуты два памфлета («Богоборец» и *Ioannis Miltoni pro populo Anglicano defensio*), а также сонет «К Оливеру Кромвелю», первые слова которого Пушкин приводит в оригинале. Кстати, определение «пророческий», данное им этому сонету, написанному по конкретному поводу (один из парламентских комитетов обсуждал проект реорганизации церкви, чреватый определенным ограничением свободы совести всех верующих) и содержащему немаловажные предостережения, указывает на то, что русский поэт имел довольно точное представление об историческом контексте, в котором это стихотворение появилось.

Пушкин не был одинок в кругу своих современников, расслышав громкое звучание имени Мильтона в общеевропейской литературной ис-

¹⁰ Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы В. Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 4—5. М.; Л., 1939. С. 192.

тории. Но он был одним из немногих русских литераторов, чье преклонение перед Мильтоном базировалось на основательном знании разных сторон его творчества.

Не случайно и то, что пушкинские оценки соотносятся с разными аспектами творчества английского поэта. «Мильтон говорит, — пишет Пушкин в 1827 г., — что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней. Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические» (XI, 61). Так высоко оценивает русский поэт необычайную изобразительную мощь автора «Потерянного рая». Но то же слово «смелость» возникает и при оценке уже не частных фрагментов, а целостного замысла мильтоновского шедевра: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию, — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в Фаусте, Мольера в Тартюфе» (XI, 61). Замечание это, вызывающее ассоциацию со знаменитым пушкинским суждением о гениальном плане дантовского «Ада», еще раз подтверждает закономерность расположения имени Мильтона (в разных статьях и заметках Пушкина) среди высочайших его авторитетов.

Многие весьма лестные упоминания о Мильтоне-поэте рождены не только значительным интересом Пушкина к поэту английской революции, но также и контекстом литературной полемики в России. Это может быть выпад против чрезмерного, с точки зрения автора «Евгения Онегина», влияния современной французской поэзии, «робкой и жеманной» (XIII, 40). Это может быть — особенно часто! — рассуждение о проблемах русской литературы, которая, к счастью, по мнению поэта, начинает испытывать воздействие и английской словесности (XIII, 40).¹¹ Наконец, это может быть разговор о волнующих проблемах художественного перевода, когда, критикуя Шатобриана перевод «Потерянного рая», Пушкин в принципе осуждает перевод буквалистский, воспроизводящий или стремящийся воспроизводить языковой строй подлинника.

Внимание к Мильтону прямо или опосредствованно проявилось и в двух поэтических произведениях Пушкина. Первое из них — «Бова (Отрывок из поэмы)» — написано пятнадцатилетним поэтом-лицеистом. Прежде чем перечислить авторов, чьи произведения он почитал за образцы (это Вольтер и в какой-то мере Радищев), автор «Бовы» отталкивается от различных поэтов, в ряд которых вместе с Гомером, Клопштоком, Шопеном, Ширинским-Шихматовым (Пушкин называет его Рифматовым) попадают и Мильтон с Камознсом:

Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого,

— декларирует юный стихотворец свое намерение, а далее идут такие строки:

За Мильтоном и Камознсом
Опасался я без крил парить;

¹¹ См. также письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 19 августа 1823 г.

Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаной обитать в раю...

Г. 63 ¹²

Вряд ли стоит преувеличивать серьезность и обоснованность критического запала юного лицеиста,¹³ для которого, как явствует из «Бовы», идеалом в ту пору являлась «Орлеанская девственница» Вольтера — «катехизис остроумия».¹⁴ Представляется справедливой сопоставительная оценка, данная Ю. Н. Тыняновым: «Тогда как „Руслан и Людмила“ произвела жанровый переворот в русской поэзии, „Бова“ остался незначительным и не доведенным до конца опытом».¹⁵

Упоминание о «стихах бессмысленных» требует, очевидно, комментария. Является ли оно свидетельством непонимания юным Пушкиным «Потерянного рая» или есть выражение определенного устойчивого отношения?

Р. М. Самарин в уже цитировавшейся статье стремится объяснить «добродушно-ироническое отношение» автора «Бовы» к поэме Мильтона «и всем комплексом эстетических воззрений Пушкина-лицеиста», и общим «ироико-комическим» характером замысла «Бовы».¹⁶ После этих в некотором роде телеологических объяснений исследователь констатирует, что слово «бессмысленный» применительно к Мильтону не случайно сохранилось с 1815 г. до статьи «О Шатобриановом переводе...» (1836). В самом деле, слово «бессмыслие» встречается в названной статье, но — в каком контексте? Пушкин характеризует здесь Мильтона как «поэта, все вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, своенравного и смелого даже до бессмыслия» (XII, 144). Хотя вначале речь заходит о Мильтоне-поэте, но последняя характеристика («своенравный и смелый <...> до бессмыслия») уж никак не соотносится лишь с поэтическим творчеством. Это сказано о Мильтоне-человеке, и слово «бессмыслие» употреблено в том высоком значении, в каком слово «безумие» употребляется, например, применительно к сервантесовскому Дон Кихоту.

В этой связи трудно принять концепцию Р. М. Самарина, находящего уже в «Бове» приметы серьезного и устойчивого отношения Пушкина к Мильтону. Впрочем, комментарии такого рода к юношескому фрагменту

¹² При первой публикации «Бовы» в «посмертном» собрании сочинений Пушкина (1841), предпринятом В. А. Жуковским, по цензурным соображениям было выпущено 29 стихов, в том числе и два последних стиха, посвященных Мильтону.

¹³ Акад. М. М. Покровский безусловно преувеличивал, говоря, что в «Бове» анализируются Камоэнс и Милтон. См.: Покровский М. М. Пушкин и античность // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 4—5. С. 33.

¹⁴ Заметим, что позднее Пушкин в чем-то пересмотрел свое отношение к вольтеровской поэме. См.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 186—188.

¹⁵ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. С. 135.

¹⁶ Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина. С. 62.

представляют значительно меньший интерес, чем вопрос об источниках и степени знания Мильтона Пушкиным в лицейские годы.

Еще с конца прошлого века утвердилось мнение, что первым знакомством с Мильтоном Пушкин был обязан посредничеству французской литературы. Акад. Л. Н. Майков относил упоминание о Мильтоне в «Бове» на счет «туманной фразы» вольтеровского Кандида; имелся в виду диалог Кандида и Протокуранте о Мильтоне из двадцать пятой главы повести Вольтера.¹⁷ Б. В. Томашевский полагал, что до 1820-х гг. Мильтон был знаком Пушкину лишь по французскому переводу Делиля.¹⁸ Стихотворный перевод «Потерянного рая», вышедший из-под пера аббата Делиля, был достаточно известен в России. Его хорошо знали Гнедич и Жуковский; безусловно, знал его и Пушкин. В 1830-х гг., когда он уже читал произведения Мильтона в оригинале, редактор «Современника» сурово отзывался о качестве перевода Делиля, «который ужасно поправил его (Мильтона. — М. С.) грубые недостатки и украсил его без милосердия» (XII, 138). Заметим, что за несколько лет до пушкинской статьи невысоко оценил тот же перевод Н. А. Полевой, отметив, однако, при этом и объективно-положительное значение работы Делиля: «Вольтер, обкрадывающий Шекспира, Дюсис и Делиль, общипывающие Шекспира и Мильтона, Летуэрнер, восхищавший французов переделкою Оссиана <...> все это были литературные анархисты, ломавшие треножник классицизма».¹⁹ Итак, с делилевским переводом Пушкин познакомился, но когда — в лицейские годы или позднее?

Самый авторитетный знаток русско-английских литературных связей акад. М. П. Алексеев высказал сомнение по поводу того, что Пушкин в Лицее знал стихи Мильтона. Полемизируя с Л. Н. Майковым, считавшим, что источником сведений о Мильтоне для пятнадцатилетнего лицеиста могла быть фраза из «Кандида», М. П. Алексеев пишет: «Не удобнее ли предположить, что Мильтона Пушкин мог знать по частым ссылкам в „Le Paradis Perdu“ Парни?»²⁰ Это предположение кажется более обоснованным, ибо знакомство Пушкина-лицеиста со скабрёзно-сатирическими поэмами Э. Парни — факт известный и доказанный.

Ассоциация с Парни возникает и в связи с еще одним произведением русского поэта — с созданной в 1821 г. поэмой «Гавриилиада». Собственно, речь идет о тех поэмах Парни, одна из которых своеобразно соотносится со знаменитой поэмой Мильтона. Еще в 1804 г. Парни выпустил в свет примыкавшую к «Воине богов» книгу «Украденный портфель», в которую, в частности, вошли две кощунственно-игривые поэмы, пародирующие Библию, — «Утраченный Рай» («Le Paradis Perdu») и «Галантная Библия» («Les Galanteries de la Bible»). Мари-Жозеф Шенье в своей «Исторической картине состояния и развития французской литературы после 1789 г.» (1815) писал об «Утраченном рае» Парни, что автор стремился «весело разработать деликатный и своеобразный сюжет, о котором Мильтон, более

¹⁷ См. примечания Л. Н. Майкова: Пушкин А. С. Соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 157.

¹⁸ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. М., 1960. С. 91.

¹⁹ Московский телеграф. 1832. Ч. 43, № 2. С. 213.

²⁰ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 309.

смелый в ином отношении, написал серьезно; но мы не можем иметь об этом суждение».²¹

Еще П. И. Бартенев высказал мнение, что Пушкин использовал готовый сюжет, заимствуя его из вышеназванных поэм Парни.²² Эта точка зрения просуществовала до 1922 г., когда появилось первое научное издание «Гавриилиады» под редакцией и с комментарием Б. В. Томашевского. Томашевский доказательно представил круг сюжетных источников «Гавриилиады», среди которых основными считал Протоевангелие Иакова и Псевдоевангелие Матфея.²³ Он предполагал, что «Пушкин не читал подлинных тексты апокрифов, а какие-то изложения их»;²⁴ тем не менее источник пародируемой версии благовещения был указан однозначно. Роль же поэм Парни как источника, по мысли Томашевского, была его предшественниками сильно преувеличена.

«Общего у Парни и Пушкина только эротическое истолкование грехопадения. Но такое же истолкование имеем у Мильтона, и как раз описание эротических последствий вкушения запретного плода ближе у Пушкина к Мильтоновской версии, чем к пародии Парни».²⁵ Это мнение Б. В. Томашевского базируется на его глубоком убеждении, что пародирование у Пушкина и функционально, и по своей поэтике в корне отлично от «пропагандистских приемов» Парни.

Поэма Мильтона, по мнению комментатора «Гавриилиады», также попадает в круг сюжетных источников. «Что касается вводного пародируемого эпизода — о грехопадении, то здесь также вряд ли Пушкин восходил к Парну и его „Paradis Perdu“. Парну пародировал Делилевский перевод Milton'a и Делилевское дополнение к нему „Départ d'Eden“. Он повторял, в пародической окраске, все эпические украшения и усложнения сюжета вплоть до деталей Мильтоновского боя дьяволов с ангелами».²⁶

Через три года после выхода этого издания пушкинской поэмы появилась заметка М. П. Алексеева «Мелкие заметки к „Гавриилиаде“». Автор оспаривал точку зрения Б. В. Томашевского, возводившего сюжет «Гавриилиады» в основном к апокрифическим евангелиям, и доказывал, что Пушкин мог узнать о двукратном благовещении «и из памятников живописи, и, конечно, скорее всего из устных преданий, особенно распространенных на юге и, между прочим, в той Бессарабии, где писалась поэма».²⁷

Следует заметить, что и при позднейшей перепечатке этой статьи (под названием «К источникам „Гавриилиады“»²⁸) М. П. Алексеев не развернул аргументации по этому поводу, не указал какого-то конкретного предания, которое с большой вероятностью могло послужить источником

²¹ Цит. по: Парни Э. Война богов. Л., 1970. С. 214.

²² Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 125.

²³ См. примечания Б. В. Томашевского: Пушкин А. С. Гавриилиада. Пг., 1922. С. 56—57.

²⁴ Там же. С. 58—59.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Там же.

²⁷ Алексеев М. П. Мелкие заметки к «Гавриилиаде» // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 28.

²⁸ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 314—325.

для «кошунственной поэмы» Пушкина. Г. Ф. Богач, тщательно исследовавший связи между творчеством поэта и молдавским фольклором, в своей книге не называет каких-либо бессарабских источников «Гавриилиады».²⁹ Множество же возможных, с точки зрения М. П. Алексеева, сюжетных источников поэмы начиная с новеллы об инсценированном благовещении из «Декамерона» Боккаччо доказывает лишь многотрудность однозначного решения интересующего исследователей вопроса.

С другой стороны позиция Б. В. Томашевского была подвергнута критике видным антиковедом и знатоком раннехристианской литературы С. Я. Лурье, предположившим, что Пушкин шел от какой-то очень древней версии благовещения, и придавшим серьезное значение известной строке из поэмы: «Но говорит армянское преданье...».³⁰ Эта линия рассуждений получила свое развитие лишь в 1970-х гг.³¹

Завязавшаяся в 1920-х гг. полемика по этому вопросу пока не получила логического завершения, и обсуждаемая проблема осталась в какой-то мере открытой.³² Причиной тому, думается, явилась недостаточность источников. К примеру, когда М. П. Алексеев, оспаривая взгляд Б. В. Томашевского на генетическую связь эпизода о грехопадении с поэмой Мильтона, пишет, что эпизод этот «также мог иметь корни в народном сказании»,³³ он даже приводит богомильскую по духу малороссийскую легенду, но ... обходит стороной вопрос о том, знал ли Пушкин эту легенду. Как принято писать, «мог знать», но весной 1821 г. превосходно мог и не знать этой легенды.

Впрочем, суждения оппонентов Б. В. Томашевского не перечеркивают его выводов о связи «Гавриилиады» с «Потерянным раем» Мильтона. Добавим к наблюдениям Томашевского еще один пример. Столкновение Гавриила с Сатаной трагически соотносится с четвертой и шестой книгами «Потерянного рая» больше, чем с поэмами Парни. На соотнесенность с мильтоновской поэмой (в большей степени, чем с апокрифами) указывают и эпическая интонация изложения, и размер (пятистопный ямб) — русский силлабо-тонический аналог того размера, который Парни, предпочтя его александрийскому стиху, позаимствовал у Мильтона, а Пушкин в свою очередь — из делилевского перевода Мильтона либо у того же Парни.

Конечно же, вряд ли целесообразно преувеличивать роль прямого или опосредствованного воздействия поэзии Мильтона на становление и развитие русского поэта. Более интересно и важно то, что обращения

²⁹ Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. 2-е изд. Кишинев, 1967.

³⁰ Лурье С. Я. «Гавриилиада» Пушкина и апокрифическое евангелие: (К вопросу об источниках «Гавриилиады») // Пушкин в мировой литературе: Сб. ст. Л., 1926. С. 1—10.

³¹ См.: Мурьянов М. Ф. «Армянское преданье» в «Гавриилиаде» // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 73—80; Гуллакян С. «...говорит армянское преданье» // Литературная Армения. 1974. № 6. С. 85—96.

³² В сравнительно недавней статье Л. И. Вольперт «О литературных истоках „Гавриилиады“», например, об этой полемике не сказано ни слова. См.: Русская литература. 1966. № 3. С. 95—103.

³³ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 322.

Пушкина-поэта к автору «Потерянного рая» расширяют и углубляют наше представление о Пушкине как критике Мильтона.

«Пушкин был первым русским критиком, сумевшим подойти к Мильтону как к большой и по-своему актуальной теме», — справедливо пишет Р. М. Самарин, а затем замечает, что статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“» «выгодно выделяется на всем фоне европейской мильтонистики 20—30-х годов XIX века».³⁴

Противопоставление Пушкина-критика не только «лицемерам Шатобриану и Маколею», но и всей европейской мильтонистике 1820—1830-х гг., на наш взгляд, неправомерно и в научном отношении малопродуктивно. Разумеется, среди западноевропейских современников Пушкина — критиков Мильтона — были и антиподы создателя «Гавриилиады», но были и единомышленники. К таковым (в разных аспектах восприятия Мильтона) можно отнести и Шелли, и Кольриджа, и Вальтера Скотта; впрочем, этот перечень имен можно продолжить. Думается, что не своим весьма проблематичным противостоянием западной литературной мысли значителен Пушкин — критик Мильтона.

Суждения Пушкина о Мильтоне интересны и важны главным образом в контексте русской литературы и литературно-критической мысли. Великий поэт не просто проявил интерес к крупнейшей фигуре в английской литературе XVII в. Он усвоил и обобщил все лучшее, что было добыто русской мильтонистикой допушкинского периода. Он значительно расширил интерес и к личности, и к наследию английского поэта. Решительно опережая свое время, он узаконил внимание к текстам Мильтона в оригинале, минуя французские посредники.

И, пожалуй, самое главное. В допушкинской русской мильтониане личность и творчество английского поэта существуют лишь как факты истории литературы, литературного прошлого. Не случайно многие предшественники и современники Пушкина, включая Карамзина и Жуковского, вспоминали имя Мильтона всякий раз, когда начинался спор о «древних» и «новых» — спор, в российском его варианте довольно вялый и безжизненный.³⁵ Пушкин «оживил» Мильтона для России, т. е. сделал его творчество причастным живой русской литературной действительности.

Споры и раздумья о Мильтоне были вписаны Пушкиным в круг злободневных проблем — таких как проблема художественного перевода, осмысление литературных традиций и их жизненности, вопрос независимости поэтической личности и поэтического творчества и т. д. Проблемы эти были необычайно актуальны для времени Пушкина, они отличались не меньшей актуальностью и в последовавшие литературные эпохи.

М. Г. Соколянский

³⁴ Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина. С. 69.

³⁵ См.: Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблемы историзма в русской критике 1800—1810-х годов // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. С. 201.